

А.В. КУЛАГИНА
(Москва)

Рецензия на: Частушки (в устах нерусских Башкортостана) / Сбор мат., сост., пер. двуяз. текстов, вступ. ст., коммент., словарь, фотоматериалы и пояснения к ним И.Е. Карпухина; Нотные расшифровки И.Н. Васильева. — Уфа, 2003. — 528 с.: ил.; Частушки (устаи русских) / Сбор мат., вступ. ст., словарь и фотоматериалы И.Е. Карпухина; Нотные расшифровки и пояснения к ним М.В. Гарбуз. — Уфа, 2006. — 776 с.

Более полувека назад известный ученый Н.П. Андреев назвал частушку «падчерицей» фольклористики. Такое отношение сохраняется до сих пор. Самый распространенный и наиболее активно живущий в народе жанр мало интересует фольклористов: специалистов по частушке можно пересчитать по пальцам одной руки. И так же редко частушки публикуются, причем преобладают антологии. Поэтому выход в свет двух сборников частушек, записанных в живом исполнении и подготовленных И.Е. Карпухиным, является бесценным даром для ученых и всех любителей этого жанра.

Частушки в различных сборниках группируются и публикуются по-разному. Преобладают три основных способа расположения материала: территориально-географический, исторический и тематический.

При территориально-географическом принципе сохраняются коллекции частушек, записанных в определенной местности — в области, районе, отдельном селе, что позволяет видеть своеобразие местного репертуара, наиболее талантливых исполнителей, исторически сложившуюся самобытность той или иной местности, детали пейзажа, быта, языка. По такому принципу напечатаны собрания Е.Н. Елеонской [Елеонская 1914], З.И. Власовой и А.А. Горелова [Частушки 1965], многие областные сборники. Подобного рода издания необходимы для научных исследований, когда особый интерес представляют варианты одной и той же частушки.

При историческом принципе размещения прослеживается развитие частушки как жанра устного народного творчества, эволюция народного сознания, связь частушки с явлениями общественно-исторической жизни страны. События любого масштаба отражаются в частушке сквозь призму личных судеб, причем включенность той или иной судьбы в общенародную историю осуществляется, как правило, приспособлением ранее существовавшего текста к конкретному событию, но и старый текст остается в живом бытовании. Так, например, многие частушки о Русско-японской и Первой мировой войнах как бы «возродились» во время Великой Отечественной войны. Наполнение исторических рубрик текстами с обязательными признаками исторических периодов не дает полного представления о частушках. Основная масса их, посвященная различным перипетиям любви и личных судеб, наиболее ценная в художественном отношении, при помещении материала в жесткие хронологические рамки остается за пределами сборника или оказывается слабо представленной.

Чисто тематический принцип расположения материала, удобный в популярном издании, был использован В.И. Симаковым [Симаков 1913]. Этот принцип был оправдан в начале прошлого века, когда история частушки исчислялась несколькими десятилетиями, т.е. частушки только оформлялись как жанр и, в сущности, о каких-либо исторических эпохах, отраженных в них, говорить было рано. Еще в начале прошлого века против тематической классификации частушек возражал П.А. Флоренский, отмечая, что «каждая частушка, как факт самой жизни, имеет множество сторон и зачислять ее в ту или другую рубрику зависело бы от каприза исследователя» [Флоренский 1909, 17].

И.Е. Карпухин избрал свой, оригинальный метод подачи частушечного материала, записывавшегося в Республике Башкортостан с конца 1960-х гг. до начала XXI в. как от русских, так и от сохранившего свое этническое лицо нерусского населения (башкир, татар, чу-

вашей, марийцев, удмуртов). Если рассматривать оба сборника как единый комплекс, по числу текстов они превосходят все ранее публиковавшиеся. Сравним: сборник Е.Н. Елеонской — 6020 частушек, В.И. Симакова — 3341, З.И. Власовой и А.А. Горелова — 8230, а у И.Е. Карпухина 10 329 частушек (в первом томе 3764 и во втором 6565). Долгие годы работая в Стерлитамакском государственном педагогическом институте, И.Е. Карпухин прежде всего интересовался состоянием русского фольклора на территории Республики Башкортостан, в том числе вопросами его взаимодействия с фольклором башкир, марийцев, мордвы, татар, удмуртов, украинцев и чувашей. Этому были посвящены его труды по свадьбе (прежде всего монографии [Карпухин 1997; 1999]). Проблемы взаимообогащения культур народов Башкортостана уже привлекали ученых: Л.Г. Барага — сказки, Б.Г. Ахметшина — неказочная проза, Л.И. Брянцеву — песни. В результате были получены интересные результаты.

Частушки народов Башкортостана долгое время оставались вне поля зрения ученых. И.Е. Карпухин обратил внимание на наличие малых лирических жанров у нерусского населения (у башкир — *такмактар*, татар — *такмактар*, удмуртов — *такмакъяс*, чувашей — *такмаксем*, марийцев — *такмак-влак* и т.п.) и поставил задачу записать от представителей этих народов частушки, а также осмыслить происходящие в создании этих частушек процессы и определить тематическое разнообразие текстов, их поэтические достоинства, область использования. В процессе работы исследователь проявил особый интерес к такому явлению, как двуязычные (реже — трехязычные) тексты, которые он назвал частушками-такмаками, так как в них были обнаружены черты русских частушек и такмаков. В первый том «Частушки (устаи нерусских)» вошли как собственно частушки, так и билингвистические частушки-такмаки. Их немного: 24 текста и 6 текстов трехязычных. При публикации составитель использовал как исторический, так и тематический принципы расположения материала. В первом раз-

деле «Что было, то было» помещены частушки историко-философского содержания: о колхозах, Великой Отечественной войне, службе в армии и размышления о жизни, ее быстротечности, контрастах бытия (раньше — теперь). Разделы II—VII традиционно охватывают молодежную любовную тематику — от вечеров и гуляний, где завязываются знакомства и возникает первое чувство, разных проявлений любви и взаимоотношений парня и девушки до создания семьи и семейных отношений. В VIII раздел включены частушки о частушках, о гармонии и гармонистах. Особо выделены «Страдания», частушки с зачином «На столе стоит...», сатирические и юмористические, а также нескладушки. Раздел билингвистических частушек-такмаков охватывает русско-башкирские, русско-татарские, русско-чувашские, русско-марийские, русско-удмуртские миниатюры.

Во вступительной статье автор глубоко и основательно характеризует тематику и поэтику публикуемого материала; особое внимание обращает на его специфику. Сразу отметим, что тематика и поэтика частушек целиком вписывается в общерусскую, а наблюдения И.Е. Карпухина (характеристика композиции, параллелизм, символика, метафор и др.) совпадают с наблюдениями, сделанными мной на общерусском материале в книге «Поэтический мир частушки» [Кулагина 2000], причем оба исследования проводились на разном материале параллельно и независимо друг от друга.

По поводу одного из выводов И.Е. Карпухина хотелось бы возразить ему. По моим наблюдениям, преобладающая форма изложения в частушках — монолог (по сравнению с лирическими песнями, для которых монолог тоже характерен, частушки еще более лирический жанр, ибо там монолог значительно частотнее, чем в лирических песнях). И.Е. Карпухин же полагает, что в «публикуемых в книге частушках абсолютное преобладает повествовательная форма» [с. 39]. С этим никак нельзя согласиться. Даже те примеры, которые он приводит как повествовательно-описательные [с. 40], являются монологами, например:

*Сапоги мои худые,
Голенища до колен.
Я хотела выйти замуж —
Поросенок околел (№ 2785), —*

или:

*У миленка моего
Голова из трех частей:
Вентилятор, карбюратор
И коробка скоростей (№ 1843).*

Действительно, здесь есть и повествование, и описание, но основная форма — всё же монолог. И этим первый и второй сборники ничем не отличаются от сборников Елеонской, Симакова, Власовой—Горелова, где монолог явно преобладает.

Не со всеми характеристиками символов, приводимыми И.Е. Карпухиным, можно согласиться. Так, он считает символами, пришедшими из обрядовых свадебных песен, вьющиеся кудри и белое платье [с. 48]. В первом случае это так, а во втором — нет. Белое свадебное платье — поздняя реалья и в традиционных свадебных песнях его нет.

Особую ценность имеют наблюдения И.Е. Карпухина над частушками-такмаками. Автор выделяет четыре способа их создания:

- 1) частичный перевод частушек на родной язык;
- 2) творческая переработка русских частушек;
- 3) введение в частушки отдельных русских слов;
- 4) создание новых текстов по аналогии с существующими частушками-такмаками.

Основным способом создания частушек-такмаков И.Е. Карпухин считает второй. «Эти частушки-такмаки позволяют проследить и увидеть завидное разнообразие способов и приемов взаимодействия ресурсов разных языков в процессе создания поэтических произведений» [с. 85].

Выводы, сделанные в результате анализа публикуемых в первом томе материалов, убедительны, доказательны и позволяют выделить практически все существующие типы связей частушек с такмаками (заимствование, творческая

переработка, генетическое родство, типологические схождения). Вместе с тем автор, установив на ограниченном локальном материале общие закономерности, замечает, что для полноты картины важно обследовать не только Стерлитамак и близлежащие города и деревни, но и по возможности все населенные пункты Башкортостана. Полагаю, что это лишь подкрепит результаты проделанной ученым работы.

Второй том представляет собой первое многотысячное собрание частушек, записанных с конца 1966 по 2005 г. от русских, проживающих в Башкортостане. Материал расположен по тематическому принципу (I—XIII разделы), XIV раздел составлен по жанровым типам («Барыня», «Яблочко», «Сербияночка», «Цыганочка», «Семеновна» и др.), в XV включены озорные и политические частушки. Как и в первом томе, во втором публикуются с любовью и знанием дела отобранные художественно полноценные тексты, вписывающиеся в основной состав общерусского частушечного фонда (иногда дословно повторяющие, а чаще представляющие варианты к ранее опубликованным в разных сборниках). Так, частушка о Думе, впервые увидевшая свет в сборнике В.И. Симакова (№ 3048), была записана в 1995 г. от Евгении Викторовны Леонтьевой, 1960 г.р., в г. Кумертау:

*Наша Дума — модница —
Богачу угодница.
До бедняги-мужика
Ей нужда невелика! (№ 6473).*

Ценным нам представляется и то, что составитель сборников не идет на поводу у политической моды. Он публикует именно то, что пелось и поется в народе и отражает взгляды, соответствующие тем или иным периодам отечественной истории. Сравнительно небольшое число частушек о колхозной жизни составитель во вступительной статье объясняет временем их фиксации, когда колхозы и совхозы стали изживать себя. Поэтому, как он совершенно справедливо замечает, подобные частушки носят преимущественно сатирический или юмористический характер. Нельзя не

согласиться и с тем, что частушки о достоинствах колхозной жизни, о нововведениях в деревне, о комсомоле и вождях были записаны от пожилых частушечниц, вспоминавших свою молодость, «когда вера в торжество социалистических и коммунистических идей в народе была неоспоримой» [с. 11]. Полностью можно разделить и мнение И.Е. Карпухина о том, что многие частушки величального («плакатного») характера не были навязаны свыше, а часто сочинялись от души, тем более что они тесно соседствуют с критическими по отношению к руководителям:

*Бригадир, бригадир,
Как тебе не стыдно:
Все бабенки вышли в поле,
А твоей не видно* (№ 373).

Современность в сборнике отражена в частушках, ставших популярными повсеместно, например:

*Мы водку не пьем,
Колбасу не кушаем,
Литр браги навернем —
Горбачева слушаем* (№ 6502);

*Жили мы при Ильиче,
Жили при Распутине,
Не пропали ни при ком,
Выживем при Путине* (№ 6475).

В обоих томах внутрижанровые типы составитель выносит в самостоятельные разделы. Вместе с тем они попадают и в других разделах. Например, частушка типа «Бочка» в разделе «Выйду замуж» (№ 2825 в т. 1 и № 4514 в т. 2); «Семеновна» — в разделе «Я иду, иду» (№ 2526 в т. 1) или в разделе «На столе...» (№ 1322 в т. 2); плясовая — в разделе «Эх, юбка моя» (№ 1157 в т. 2) или «Любовь к нерусскому» (№ 4329 в т. 2). Варианты шуточной частушки про сватавшегося таракана разнесены в разные разделы: «Собралась выйти замуж» (№ 2787 в т. 1) и «Приезжали меня сватать» (№ 2877 в т. 1). Ряд близких частушек, которые должны бы идти подряд как варианты, отделены друг от друга или помещены в разные разделы (№ 2881 и 2891 в т. 1; № 2978 и 2991 в т. 1; № 2745 и 3503 в т. 1). Одна и та же частушка, опубликованная в пер-

вом томе, без каких-либо вариаций помещена во втором (№ 3227 и 1697). Частушки № 2266 и 2267 во втором томе взаимосвязаны и между ними пропущена вторая, необходимая по смыслу. Это надо было бы оговорить в комментариях (произошла утрата, или исполнительница не смогла припомнить, или др.).

Есть некоторые замечания и текстологического характера. Вызывает сомнения точность записи:

*Будешь, миленький, жениться,
Заезжай ко мне проститься.
Возьми думушку мою —
Полынь под гривушку коню* (№ 1294 в т. 1).

Составитель в предисловии [с. 49] пытается объяснить «темное» место народным поверьем, связанным с полынью как приворотным зельем. Думается всё же, что здесь закралась ошибка: вероятно, в рукописи как «полынь» прочитано неразборчиво написанное слово «положь». Близкий вариант, проясняющий это «темное» место, опубликован в сборнике Власовой и Горелова:

*Поедешь, миленький, венчаться,
Заезжай ко мне прощаться,
Возьми думушку мою,
Положь под гривушку коню* (№ 2893).

Подобных «шероховатостей» в сборниках И.Е. Карпухина немного. В основном это добротные, тщательно выверенные тексты. Существенно и то, что в сборниках даны нотные приложения, фотоматериалы и пояснения к ним, а также комментарии и словарь иноязычных и диалектных лексем. Правда, с одной стороны, словарь избыточен, в него включены некоторые слова, в пояснении не нуждающиеся: *глянь, лежебок, пацан, покамест, нашенские, небось*, а также слова со стяженными окончаниями (*обнимашь, расстраивашь*) — это надо было просто оговорить один раз в комментариях. С другой стороны, в него не вошли некоторые слова, нуждающиеся в толковании, например: *басенка (басенька), тирда, карболаки, аряму*. Слово *ягодина* толкуется как 'любимый', а *ягодиночка* — как 'возлюбленный'. Проще было бы дать их в одном ряду, через запятую.

Высоко оценивая оба сборника, их научное значение, нужно подчеркнуть всё же, что это популярное издание и в нем, как и в других подобных публикациях, отсутствуют необходимые указатели: содержания (ибо даже при тематическом расположении материала часть близких частушек попадает в разные разделы); разновидностей формы (плясовые, «Семеновна», «Страдания», «Яблочко», «Бочка», нескладухи, самодельные частушки — это значительная часть политических частушек — и пр.); географический; именной; предметно-терминологический. В этом плане сборник З.И. Власовой и А.А. Горелова, опубликованный почти полвека назад, до сих пор остается непревзойденным.

Каковы же перспективы публикации частушек? Необходимо новое научное издание с полным справочным аппаратом, которое учитывало бы специфику этого жанра — вербально-вокально-инструментально-хореографически-драматического. Будущий сборник должен быть снабжен видеодиском, ибо частушки сейчас — единственный активно бытующий жанр, в котором к тому же отражается синтетичность фольклора. Только тогда станет возможным комплексное исследование частушек, о котором в последнее время так много говорят.

Литература

Елеонская 1914 — Сборник великорусских частушек / Под ред. Е.Н. Елеонской. М., 1914.

Карпухин 1997 — *Карпухин И.Е.* Свадьба русских Башкортостана в межэтнических взаимодействиях. Стерлитамак, 1997.

Карпухин 1999 — *Карпухин И.Е.* Русская свадьба в Башкортостане (состояние, поэтика, межэтнические взаимосвязи). Стерлитамак, 1999.

Кулагина 2000 — *Кулагина А.В.* Поэтический мир частушки. М., 2000.

Симаков 1913 — *Симаков В.И.* Сборник деревенских частушек. Ярославль, 1913.

Флоренский 1909 — *Флоренский П.А.* Несколько заметок к собранию частушек Костромской губернии Нерехтского уезда // Собрание частушек Костромской губернии Нерехтского уезда. Кострома, 1909.

Частушки 1965 — Частушки в записях советского времени / Изд. подгот. З.И. Власова, А.А. Горелов. М.; Л., 1965.

В.А. БАХТИНА

(Москва)

Рецензия на: Носители фольклорных традиций (Пудожский район Карелии) / Изд. подгот. Т.С. Курец. — Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2003. — 408 с.

Рассказы простых людей о своей жизни, поразительные по искренности и безыскусственности, представляют безусловный интерес для науки не только как документ эпохи, но и как особый тип повествования, имеющий свою структуру и организованный по законам жанра жизнеописания. К мысли о необходимости фиксации такого рода материалов не единожды приходили фольклористы разных стран. Известный финский ученый К. Крон признавался Б.М. Соколову в личной беседе, которая состоялась в 1928 г. во время поездки последнего в страны Скандинавии: «Если бы я был молод, я бы записывал не сказки, а рассказы простых людей о самих себе» [Соколов 1928]. В 1920-е гг. на заседаниях фольклорной подсекции Государственного института художественных наук не раз проговаривалась и документально формулировалась задача сбора крестьянских автобиографий (см. об этом: [РГАЛИ. Ф. 1456. Оп. 1. Ед. хр. 287. Ил. 53—55]), но систематическая работа так и не была начата ни тогда, ни в настоящее время. Исключение — отдельные публикации¹.

Рецензируемая книга вобрала в себя биографии и автобиографии людей особой прослойки северного крестьянства — творческой элиты (певцов, сказителей, воплениц, знахарей и др.), людей одаренных, в наибольшей степени аккумулирующих в себе местную культурную традицию. Подобной книги не было в мировой фольклористике. Ее по-

¹ См., например, рассказы о жизни Т.А. Федоровой, подготовленные к печати Т.Б. Юмсуновой [Рассказы о жизни 2004]; сообщение И.С. Веселовой о проекте «Музей биографий. Русская провинция. XX в.», разработанным в Санкт-Петербургском государственном университете [Музей биографий 2004].